

Рецензии

УДК 233

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-133-138

Британский «Радж»
и универсализация индуизма

Рецензия на книгу:
Скорородова Т.С. Неоиндуизм: Религиозная мысль
и практика в колониальной Индии.
Пенза: ПГУ, 2021. 222 с.

Евгений Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

British “Raj”
and universalization of Hinduism

Book review:
Skorokhodova T.S. Neo-Hinduism.
Religious thought and practice in colonial India.
Penza: PSU, 2021. 222 p.

Eugene B. Rashkovsky

*Institute of World Economy and International Relations,
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Эта книга была подписана к печати 17 ноября 2021 г., каковым годом была и обозначена в описании. Стало быть, она смогла увидеть свет лишь в следующем, 2022 г.

© Рашковский Е.Б., 2023

Татьяна Григорьевна Скороходова – признанный в России и за рубежом историк бенгальской общественной и религиозно-философской мысли XIX–XX столетий. Ее труды и упоминания о них проявлялись и на страницах этого журнала¹.

Тематика книги коренится прежде всего в трудах и наследии бенгальских мыслителей: от Раммохан Рая (1772–1833), первого великого реформатора индуизма, именуемого Отцом современной Индии, до мистиков и мыслителей последних десятилетий британского колониального владычества (Раджа) в Индии. А уж вслед за Бенгалией, как показано в книге, движение по структурному и содержательному переформлению индуизма, начавшееся в Западной Бенгалии, со временем захватило и иные регионы страны (Махараштра, Гуджарат, «Дравидийский конус», Hindi Belt – от Панджаба до Бенареса/Варанаси).

Первоначально это реформаторское движение – движение, сложное по составу и подчас неоднозначное по содержанию, – как показывает Т.Г. Скороходова, возникло как следствие некоего двойного отталкивания:

- отталкивания от проявлений варварской жестокости в традиционно-«народном» индуизме (кастовые предрассудки; обряд «сати» – добровольного или зачастую вынужденного саможжения вдов на погребальных кострах мужей; детские браки; запрет на замужество вдов, даже самых юных; приниженное положение женщины в патриархальной семье – в «доме свекра»);
- отталкивания от спеси и своекорыстия колониальных чиновников и их «туземной (native)» клиентелы и от бестактности, связанной с Раджем, части христианских миссионеров.

Это двойное отталкивание и стало предпосылкой мышления, деятельности и проповеди таких фигур всебенгальской и всеиндийской истории, как раджа Раммохан Рай, Рамакришна, Вивекананда, Рабиндранат Тагор.

Как правило, эти великие преобразователи индуизма были выходцами из высших каст, глубоко затронутыми элементами европейской, точнее британской, образованности. И, так или иначе, они и сами вынуждены были стремиться дать свой, индийский ответ на фундаментальный *вопросник* христианства. Вопросник

- о единобожии²;

¹ Скороходова Т.Г. Неоведантская интерпретация индуизма в «Лекциях от Коломбо до Алморе» Свами Вивекананды // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2020. № 2. С. 14–35.

² Этот вопрос был всерьез поставлен перед индийцами еще в Средние века христианством (Дравидийский конус) и исламом, что отразилось на

- о равенстве и ценности людей перед Богом – ценности безотнositельно к их социальным или этническим «анкетным данным» (Кол 3:11);
- о ценности горизонтали «человек – человек», т. е. о непреложности духовного статуса Другого человека, ближнего (Лк 10:25-37);
- о ценности свободы как недосказанного процесса нашей соотнесенности с Богом, со Вселенной, со временем, с другим человеком.

В поисках аутентично-индийских ответов на этот капитальный вопросник христианства мыслители Индии не могли не обратиться к собственному духовному наследию: прежде всего к Упанишадам, далее – к ведической гимнографии, к традициям бхакти, а несколько позднее – и к Бхагавадгите³.

Вообще, по мысли Т.Г. Скороходовой, многие современные претензии к наследию великих реформаторов индуизма и их последователей, – в частности, переоценка «восточной духовности» в пику материалистическим наклонностям «западной культуры»⁴, давшая позднее значительную подпитку глобальному антизападному нигилизму, – не столько их вина, сколько беда.

Эта переоценка возникла на разломах континентов, религий, цивилизаций и культур. И вышла она из глубины интеллигенции среди оскорбленного чужеземным владычеством народа (см. с. 55–56).

Т.Г. Скороходова датирует процесс перерастания этих интеллектуально-духовных исканий в становление «неоиндуизма» как массового религиозного движения в индийском обществе примерно 1870-ми гг. и связывает серьезное начало этого процесса с проповедью («провозвестием») Шри Рамакришны – широко мыслившего и гуманного жреца сурового культа «Черной» богини Кали (см. с. 73–76). Согласно «провозвестию», любые проявления глубокой и искренней веры – и не только в продуманных и утонченных, но даже и в отсталых и экстравагантных формах – прямо или

развитии духовного движения бхакти. Однако интеллектуальный вызов европейских миссий оказался более мощным.

³ *Nota bene.* Достоинo упоминания, что Махатма Ганди, которого нельзя не причислить к ряду великих реформаторов индуизма, ознакомился с Бхагавадгитой позднее, чем с Евангелиями. О многоплановом европейском «облучении» Махатмы именно как религиозного мыслителя см.: *Рашковский Е.Б.* На оси времен: Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 85–115.

⁴ См.: *Кумарасвами А.К.* Восток и Запад: Религия, мифология, символика, искусство. М.: Беловодье, 2018.

опосредованно ведут к поклонению Единому и Истинному Богу. Даже в Его отчужденных, идолизированных образах и ипостасях. Так свершалось некое воссоединение, некий синтез духовных исканий европеизированных «туземных» джентльменов и повседневных народных верований и суеверий. Прямо или косвенно этот синтез предположил два важнейших, дотоле почти неведомых старому индуизму допущения:

- важность социального и культурного служения, социальной и благотворительной работы в человеческих «низах», включая и ритуально «нечистые» группы, насчитывающие многие миллионы индийцев⁵; социальное служение объективно стало мыслиться как часть «стремления души к освобождению от мирских уз» (с. 90);
- критику жесткой кастовой иерархии в индийском обществе. Каста-джати как форма повседневной саморегуляции индийского общества не то чтобы отрицалась: отрицалась кастовая спесь и жесткость ранжиров. Вспоминалось иной раз и о «низком» происхождении некоторых из индуистских мифологических персонажей и святых.

Однако этот революционный в существе своем процесс демократизации прежнего индуизма имел и свои глубокие исторические издержки: опускаясь на горизонты более низкой духовной культуры и более примитивных экзистенций, превознесение индуизма (с его духовным богатством веданты, с внутренним многообразием его направлений) открывало пути к этно-религиозному бахвальству и к массовой ксенофобии. Всё это, вместе с насыщением национально-освободительных чаяний религиозной символикой, исподволь готовило индусско-мусульманские боины 1940-х и последующих годов и разделы Западной Индии и Бенгалии по конфессиональному признаку. Уровень политизированного потакания невежеству масс мог доходить даже до попыток срыва противочумных прививок со стороны радикальных конгрессистов (см. с. 58–59)⁶.

⁵ Напомню: уже в первой половине прошлого столетия Ганди провозгласил «неприкасаемых» *хариджанами*, т. е. детьми Божьими.

⁶ См.: *Engineer A.A. Why Indian Muslims are backward? // World Focus. 1995. Vol. 16. № 2–3. Febr. – March.* В годы Второй мировой войны некоторые из «левых» конгрессистов выступили как вольные или невольные сторонники гитлеровской Германии и монархо-фашистской Японии (см.: *Bose S.Ch. Fundamental questions of Indian revolution. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1970. P. 32–91*). Правда, нынешние исследователи не больно-то любят вспоминать эту прискорбную страницу из истории индийского освободительного движения.

Но, так или иначе, неоиндуистские искания исподволь превращались в доктринально оформленное мировоззрение. Причем – подчас несхожее в конкретных проявлениях своей духовной и общественной направленности.

На огромном, сложном и подчас запутанном и труднодоступном материале Т.Г. Скороходова рассматривает, как расходятся в Индии и в мире траектории неоиндуизма последних веков⁷.

С одной стороны, это нарастание элементов этноконфессиональной и коммуналистской гордыни («хиндутва»), противостоящих изначальным общегуманистическим принципам государственного строительства страны⁸. Увы, кровавые нападения индуистских толп на хариджан и иноверцев (мусульман и христиан) – печальная деталь повседневного социального ландшафта в Индии⁹.

С другой стороны, вместе с возрастанием в мире интереса к мысли и наследию Индии и с глобальным развитием индийских диаспор неоиндуистские искания, некогда зародившиеся под европейскими/британскими влияниями, превратили индуизм из комплекса локально-индийских верований в одну из крупнейших и разветвленных мировых религий. Более того, эти универсалистские искания, подсказанные идеями Раммохана Рая, Вивекананды, Тагора и др., – в какой-то мере повлияли и на весь строй нынешней социо-гуманитарной мысли (религиоведение, эстетика, историография, политэкономия...¹⁰).

В заключение не могу все же не выразить одну претензию к прекрасному и трудолюбивому автору.

В книге почти не освещается одно из существеннейших расхождений между индуизмом и христианством и его трактовкой в неоиндуистской мысли. В первом случае идея предельного освобождения души (*мукти*) от пороков и низостей земной жизни связывается с осознанием вереницы перерождений. Христианство же настаивает на безусловном значении каждой человеческой

⁷ В этом плане Татьяна Григорьевна продолжает круг соответствующих исследований отечественной историографии (А.А. Ткачева, Б.З. Фаликов, Д.Б. Абрамов, Е.А. Битинайте и др.).

⁸ См.: *Абрамов Д.Б.* Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 187 с.

⁹ См.: *Рашковский Е.Б.* Преследования христиан в Азии и Африке // Запад – Восток – Россия, 2020: Ежегодник / Отв. ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 36–40.

¹⁰ См.: *Скороходова Т.Г.* Модернизация, развитие и свобода: Амартья Сен и наследие Бенгальского Ренессанса // Цивилизации. Вып. 10. М.: Наука, 2015. С. 215–242.

жизни во всей целостности ее мгновений; самосовершенствование необходимо (Мф 5:48), однако самоспасение невозможно; подвиг жизни – необходим, но лишь в контексте Божественного искупления и любви. Однако же приятие или неприятие этой претензии зависит от личных предпочтений читателя...

Чтение же рецензируемой книги было бы, на мой взгляд, полезно и ученым, и священнослужителям, и дипломатам, и студентам, а заодно и всем тем, кто интересуется духовными и культурными ландшафтами Индии и мировой религиозной динамикой прошлых и нынешних времен.

Информация об авторе

Евгений Б. Рашковский, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; eug.rashkov@gmail.com

Information about the author

Eugene B. Rashkovsky, Dr. of Sci. (History), Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; bld. 23, Profsouznaya St., Moscow, 117997, Russia; eug.rashkov@gmail.com